

запускал «жида» или показывал татарину краем пиджака «свиное ухо», по неизбежности оказывался в травмпункте. Кстати, именно так, с интернационалистских позиций, мы все восприняли исторический июньский тост И.В. Сталина на Приеме в честь участников Парада Победы — «**За великий русский народ!**»

Особое слово — о русской женщине военных лет, о тех старушках, которые в одиночестве коротают время на городских бульварах либо шагают километрами по проселочным дорогам из опустевших деревень в центр, за продуктами. О тех старушках, которых многие наши законодатели, неведь откуда налетевшие на Россию, считают чем — то подобным назойливой мухе. Пишу эти строки в период празднования Международного женского дня (праздника, который отстояла в международном сообществе Россия, равно как и День победы 9 мая). Это — один из тех общенародных праздников, который не может быть подвержен тупоголовому «реформированию» или преобразованию на потребность скоропреходящей политической конъюнктуры. Какова бы ни была историческая структура семьи, в какие бы юридические формы не втискивались отношения женщины и мужчины, всегда и везде женщина — мать и хранительница семейного очага, воспитательница новых поколений человеческого рода, ретранслятор национальных традиций, обычаев, обрядов, праздников. Повторяя эту истину, мужчины не без самоуверенности забывают, что каждый период развития человеческого рода расширяет круг социальной активности женщины, только в больном сознании предстающей представительницей «слабого пола».

Если назревает опасность для той общности, в которой она живет, то она принимает на себя все тяготы военного времени. **Пора, давно пора всем нам поклониться русской женщине**, которая в лихолетье Великой Отечественной войны взяла на себя основные тяготы по сохранению промышленного и сельскохозяйственного потенциала страны, по переводу его на Восток и воссозданию его там, в стужу и выюги, на пустынных землях. Более того, пора (пока мы живы) рассказать молодежи о том, как рядом с нами, Солдатами Победы (а в боях непосредственно участвовало более пятидесяти миллионов мужчин — граждан всей некогда великой страны) сражались на равных миллионы женщин санитарок, снайперов, партизанок, летчиц, танкисток. Да еще как сражались!

Вспоминаю лишь некоторые, калейдоскопически мелькающие в сознании образы из прошлого. Однажды мой комбат, красавец и же — нолов, всерьез и вполне ошибочно полагавшийся на мою коммунистическую кабельность в общении с женским полом, приказал мне на ночь поменять солдата из соседнего подразделения женщин — снайперов, погибшего вместе с командиром в результате артобстрела. Моя задача была весьма проста и вместе с тем — неординарна: развести по точкам «кукушек» — наших девчат — снайперов. Только начало темнеть и стала неумолимо напирать быстрая августовская ночь, как я уже приглядывался к девчатам в камуфляжной форме. Они также осматривали меня, задорно и как мне тогда казалось — презрительно пофыркивая. Пройдя через мой выдвинутый вперед пулеметный дозор (по приказу — на крайний случай!), мы поползли. Неожиданно одна из девчат резко врезала мне по шее и махнула в сторону пулеметов. Дескать, давай, топай, парень. Наверное, тогда я всерьез обиделся (все — таки я в форме, при погонах лейтенанта, а тут тебе — по шее!). Но уже через несколько часов, на молочном от тумана рассвете я в условленном месте собрал моих кукушек и отвел их к батальонной кухне. Присматриваясь, как они на пальцах показывали результаты ночного дежурства, я влюблялся сразу и одновременно во всех них. Клянусь — они были поразительно красивы, так что я всерьез взревновал как собственник, когда одна из них, белокурая толстушка, исчезла в комфортабельном дзоте моего комбата.

Не забыть мне и другой эпизод из тех же августовских дней, когда мы все залегли на дно окопов, ошеломленные длительным и поразительно точным артиллерийским налетом немцев. За брустверами, на нейтральной полосе замешкался один из моих солдат, расставивший реперы для обстрела. Его, видимо, тяжело ранило, ибо он дико, не по — человечески завывал, а затем стал жалостливо звать: «Братцы!!!». Никто из нас, мужиков, даже не привстал. И вдруг на бруствер окопа змейкой выползла наш санинструктор, худенькая девчушка, обложила наш трехэтажным матом и под непрерывными влохами разрывов поползла к раненому. Мы не успели выпрямиться и прийти в себя, как она уже, перевалившись через бруствер запасного окопа, вырытого впереди, уже втащила бойца и начала обрабатывать кровоточащие раны на животе. Так вот представь себе на минуту, мой молодой и вальяжный читатель, что на бульваре с пальочкой перед тобой сейчас сидит именно эта наша санитарка. А,